

Вопросы права на получение квалифицированной юридической помощи.

Также необходимо иметь в виду, что право на доступ к суду предусматривает возможность Жертвы получить квалифицированную юридическую помощь, которую **адвокаты** в России не оказывают, поскольку **не имеют юридического образования**. Не имеющие юридического образования адвокаты, как правило, в процессе заявляют: «Поддерживаю позицию моего подзащитного» - хотя они **обязаны** приносить возражения на **преступные** действия «судей» и «прокуроров» и **привести правовые основания**, по которым они поддерживают «моего подзащитного». Но поскольку профессиональная деятельность адвокатов является «явной неспособностью» применять **соответствующие** нормы права, поэтому «судьи» **обязаны** принять **позитивные меры** для того, чтоб Жертва могла «эффективно пользоваться предоставленным ему правом» на защиту (§§ 66, 68 **Постановления от 10.10.02 г. по делу «Чекалла против Португалии»**). Простая просьба суда об устранении процессуальной оплошности не явилась бы нарушением фундаментального принципа независимости адвокатуры, поскольку «нельзя априори утверждать, что такая ситуация неизбежно нарушит принцип состязательных возможностей, учитывая, что это будет скорее характер проявления власти судьи по руководству процессом, **осуществляемого в интересах надлежащего отправления правосудия**» (§ 70 там же). Это налагает «на соответствующий суд позитивное **обязательство обеспечить** практическое и эффективное **соблюдение права** заявителя на **надлежащее** судебное разбирательство. Поскольку этого не произошло, Суд может лишь констатировать несоблюдение требований пунктов 1 и 3 с) статьи 6 Конвенции в совокупности. Таким образом, эти положения были нарушены» (§ 71 там же). «Явная неспособность» адвокатов выполнять функции защитников **обязывает** «судей» и «прокуроров» либо **заставить их** выполнять свои обязанности, либо заменить на другого адвоката (§ 33 **Постановления от 13.05.80 г. по делу «Артико против Италии»**) тем более, что «**"решающее" значение защиты обвиняемого должно превалировать над "важным" значением их присутствия на суде**» (§ 69 **Постановления от 01.03.06 г. по делу «Сейдович против Италии»**).

Поскольку решение вопроса о праве на получение юридической помощи в рамках гражданского судопроизводства было разрешено в **Постановлении от 09.10.79 г. по делу «Эйри против Ирландии»**, поэтому следует привести его основные положения: «...**Конвенция направлена на то, чтобы гарантировать** не теоретические или иллюзорные права, а **права, осуществимые на практике и эффективные** (...). В особенности это относится к праву доступа к правосудию в свете того значения, которое имеет в демократическом обществе право на справедливое судебное разбирательство (...) ... (п. 24)... **фактическое препятствие может нарушать Конвенцию точно так же, как и юридическое** (...). Более того, **выполнение обязательств по Конвенции требует** временами совершения со стороны государства **определенных позитивных действий**; **в подобных обстоятельствах государство не может просто оставаться пассивным** и "нет места различию между действием и упущением" (...). **Обязанность обеспечить эффективность права доступа к правосудию подпадает под категорию таких обязательств**. (п. 25)... **Конвенция должна толковаться в свете сегодняшних условий** (...), и она нацелена на реальную и практическую защиту человека в тех областях, где она действует (...). Хотя Конвенция говорит главным образом о гражданских и политических правах, многие из них в процессе реализации приобретают черты и ведут к последствиям социально-экономического характера. Поэтому Суд, как и

Комиссия, считает, что то обстоятельство, что толкование Конвенции может затронуть и социально-экономическую сферу, не должно само по себе быть решающим аргументом против такого толкования; жесткой границы между этой сферой и содержанием Конвенции не существует... **все, что требует Конвенция, - это, чтобы лицо реально пользовалось своим правом доступа к правосудию на условиях, не противоречащих статье 6 п. 1** (...)... Статья 6 п. 3 "с" относится только к уголовному процессу. Однако, несмотря на отсутствие подобного правила для споров по гражданским делам, статья 6 п. 1 может в некоторых случаях **понуждать** государство предоставлять **помощь адвоката**, когда она **необходима для обеспечения реального доступа к правосудию** либо по причине того, что по определенным категориям дел юридическое представительство является обязательным по внутреннему законодательству некоторых государств - участников, или **в силу сложности процесса**... (п. 26)... Правительство выразило сомнение по поводу подобного вывода, но Суд находит его правдоподобным, **ему не было представлено никаких опровергающих его доказательств**» (п. 27).

Также «... право на доступ к суду представляет собой элемент, который является неотъемлемой частью права на справедливое судебное разбирательство в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции (§ 95 **Постановления ЕСПЧ от 17.12.02 г. по делу «А. против Соединенного Королевства»**)... несмотря на отсутствие пункта, аналогичного пункту 3 (с) статьи 6 Конвенции в контексте гражданского судопроизводства, статья 6 пункт 1 может иногда **заставлять** государство предоставлять помощь адвоката, когда такая помощь является **необходимым условием для эффективного доступа к суду**, либо потому, что **юридическое представительство становится обязательным**, либо по причине **сложности процедуры** или **дела** (...)» (§ 96 там же). «... суды **обязаны** обеспечить обвиняемому в уголовном деле **эффективную** защиту. Это **обязательство** предполагает **продуктивный** подход со стороны национальных судов и **не может быть отменено** ввиду того, что ответчик не ходатайствует о назначении нового адвоката или приостановлении производства по делу (...)» (§ 21 **Постановления от 27.02.18 г. по делу «Шведов и другие против РФ»**). «... **само поведение заявителя не может освободить власти от их обязательства действовать таким образом, какой бы гарантировал эффективность защиты обвиняемого**. Действительно, **упущения официально назначенных адвокатов, ... являлись очевидными, что обязывает национальные органы вмешаться**. Из материалов дела не следует, что последние предприняли меры для того, чтобы гарантировать обвиняемому защиту и эффективное представление его интересов (§ 51 **Постановления от 27.04.06 г. по делу «Саннино против Италии»**). «... права, гарантированные Конвенцией, должны быть осуществимыми на практике и эффективными, а не теоретическими и иллюзорными (...). Кроме того, ограничение не будет соответствовать пункту 1 статьи 6, если оно не преследует правомерную цель и отсутствует разумное соразмерное соотношение использованных средств и преследуемой цели (...)» (§ 42 **Постановления от 23.01.10 г. по делу «М.А.К. и другие против Соединенного Королевства»**). Хотя государство-ответчик в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции не обязано обеспечивать доступность правовой помощи по всем гражданско-правовым спорам, когда эти споры затрагивают сложные вопросы права, и заявитель не может позволить себе услуги представителя, **отказ в предоставлении правовой помощи может быть приравнен к ограничению доступа к правосудию** (...). Прекращение или отказ от предоставления правовой помощи, ведущие к ограничению права на доступ к правосудию, соответствуют пункту 1 статьи 6 Конвенции лишь **при условии**, если данный отказ или прекращение преследуют правомерную цель и соразмерны этой цели (§ 43 там же)... **система оказания правовой помощи может функционировать лишь в случае, если предусмотрены критерии, по которым происходит определение возможности оказания правовой помощи по тому или иному делу** (...)» (§ 44 там же).

Когда Жертва выражает намерение воспользоваться услугами защитника, то «власти были **обязаны** удостовериться в том, что он **может воспользоваться этим**

правом, например связавшись с адвокатом по телефону или иными **доступными средствами**» (§ 107 **Постановления от 01.04.10 г. по делу Павленко против РФ**). «... на государство возложена **обязанность** организовать следствие таким образом, чтобы были соблюдены сроки и права защиты нарушены не были» (§ 134 **Постановления от 08.02.05 г. по делу «Панченко против РФ**). «... право на защиту в производстве по уголовным делам является фундаментальным правом, которое влечет за собой право быть судимым в присутствии и при юридической помощи одного [адвоката] **по своему выбору** (...)... **интересы правосудия** могут требовать назначения адвоката против желания обвиняемого (...). Однако, **любое такое ограничение** должно иметь определенную и достаточно серьезную цель и не должно выходить за **рамки необходимого для защиты интересов правосудия** (...), и внутреннее **законодательство должно избегать** любого абсолютного запрета в отношении права на защиту самого себя в производстве по уголовным делам без помощи адвоката (...)... Государство-участник не обосновало, каким образом интересы правосудия в данном деле требовали участия защитника, действующего в силу занимаемой должности (*ex officio*), а лишь сослалось на статью 71(1)(9) Уголовно-процессуального кодекса, требующую участия адвоката защиты во всех делах, в которых участвует прокурор. Поэтому, Комитет приходит к выводу о том, что факты в данном случае указывают на **нарушение права** автора, в соответствии со статьей 14, (3)(d), **на помощь адвоката по его выбору**» (п. 11.5 **Соображений КПЧ от 29.03.16 г. по делу «Рамазан Есергепов против Казахстана**). «... хотя в пункте 3 d) статьи 14 не предусмотрен выбор обвиняемым адвоката без какой-либо оплаты, **должны** быть приняты меры для обеспечения того, чтобы адвокат после своего назначения **обеспечивал эффективное** представительство в интересах правосудия» (п. 6.8 **Соображений КПЧ от 08.07.04 г. по делу «Саидов против Таджикистана**»).

«... эффективность гарантии юридической помощи по умолчанию ("если не отказался"), содержащейся в статье 51 Кодекса, была бы умалена в отсутствие **корреспондирующей обязанности со стороны суда удостовериться в том**, будет ли законным рассмотрение конкретного дела в отсутствие защитника обвиняемого. Действительно, лица, способные осуществлять собственную защиту в суде (подобные тем, что перечислены в пунктах 2 – 4 части 1 статьи 51 Кодекса), также **могут не привлечь внимание суда** к отсутствию юридической помощи, **если этот вопрос не будет рассмотрен судом по собственной инициативе** (§ 90 **Постановления от 09.04.09 г. по делу «Григорьевских против РФ**)... суд кассационной инстанции был **обязан** удостовериться, отказался ли заявитель от защиты, и если нет, назначить ему защитника, как того **требуют** пункт 1 части 1 и части 3 статьи 51 Кодекса. С учетом серьезности и количества обвинений против заявителя и тяжести грозящего ему наказания **соблюдение судом этой гарантии имело тем большее значение** (§ 91 там же). Кроме того, ... использование права на юридическую помощь имеет большое значение, когда заявитель принимает участие в судебном процессе посредством видеосвязи (...). В настоящем деле заседание суда кассационной инстанции проводилось посредством видеосвязи, что является **еще одним фактором, обязывавшим** суд удостовериться в причинах отсутствия защитника заявителя (§ 92 там же). С учетом **уклонения Верховного Суда от этой обязанности ... имело место нарушение пункта 1 и пункта 3 «с» статьи 6 Конвенции**» (§ 93 там же).

«... **Ничто не позволяет предположить, что эти последние каким-то образом были знакомы с материалами дела**. Однако они не подавали ходатайства о переносе судебного заседания для того, чтобы иметь возможность ознакомиться с делом своего клиента. Более того, они не потребовали заслушать свидетелей защиты, вызов которых был разрешен окружным судом г. Неаполя по ходатайству первых адвокатов заявителя (...)» (§ 49 **дело «Саннино**). «... заявители не смогли воспользоваться своим правом на осуществление последнего слова, поскольку их **адвокаты отказались сделать это от их имени... отказ адвокатов свидетельствовал об их неспособности оказать эффективную юридическую помощь и этот вопрос не был надлежащим образом рассмотрен**

национальным судом. Таким образом, фактический отказ адвокатов не может рассматриваться как отказ заявителей от права на последнее слово. Наоборот, заявители настаивали на осуществлении этого права, но их просьба была отклонена. Соответственно, **в отсутствие какого-либо явного или подразумеваемого отказа от права** выступить с последним словом **заявители не могут нести ответственность за этот недостаток в разбирательстве** (§ 190 **Постановления от 26.07.11 г. по делу «Хусейн и другие против Азербайджана»**).

Наконец, в деле **«Венгерский Хельсинкский Комитет против Венгрии»** Полуобразованные Подонки в традиционном ключе рассмотрели вопрос о назначении адвокатов и традиционно забыли рассмотреть вопрос о качестве оказываемой ими помощи. Я это постановление прокомментирую отдельно, но для общего понимания приведу следующее: «По оценке НПО-заявителя, её расследование показало, что **система *ex officio* назначенных защитников не действовала надлежащим образом**, в основном из-за того, что следственные органы, в частности - **полиция, обладали полной свободой выбора адвоката из списка, составленного соответствующими ассоциациями адвокатов. Это привело к недоверию со стороны обвиняемых.** Кроме того, в соответствии с выводами НПО-заявителя, **многие отделения полиции пользовались услугами одних и тех же адвокатов или юридических фирм в большинстве дел, что приводило к зависимости адвокатов защиты от назначения *ex officio* для заработка.** НПО-заявитель также пришла к выводу, что в системе выбора не было прозрачности (§ 14 **Постановления от 08.11.16 г. по делу «Венгерский Хельсинкский Комитет против Венгрии»**)... НПО-заявитель утверждала, что адвокаты защиты выполняли государственные обязанности в ходе уголовных разбирательств, и что их деятельность не носила частный характер. Кроме того, **гонорары и издержки назначенных *ex officio* адвокатов выплачивались из государственных средств, и их деятельность контролировалась государством.** НПО-заявитель также опиралась на прецедентное право Суда в делах *Artico v. Italy* (...), *Kamasinski v. Austria*, (...) и *Czekalla v. Portugal* (...), где было выявлено, что в определённых обстоятельствах государство может нести ответственность за определённые недостатки в системе адвокатов, назначаемых *ex officio*... (§ 93 там же)... запрошенная информация состояла из имён государственных защитников и количества случаев, когда их назначали действовать в качестве адвокатов в определённых юрисдикциях... запрос таких имён, хотя они и являлись персональными данными, относился преимущественно к осуществлению профессиональной деятельности в контексте общественных разбирательств. В этом смысле профессиональная деятельность государственных защитников не может считаться носящей частный характер. Кроме того, запрашиваемая информация не относилась к действиям или решениям государственных защитников в связи с выполнением их задач в качестве законных представителей или консультаций с их клиентами. Правительство не продемонстрировало, что раскрытие информации, запрошенной для конкретных целей расследования НПО-заявителя, могло повлиять на осуществление адвокатами их права на уважение частной жизни по смыслу статьи 8 Конвенции (§ 194 там же)... раскрытие имён государственных защитников и количества их соответствующих назначений не раскрыло бы их информацию до такой степени, которая превышала бы ту, которую они могли предвидеть при регистрации в качестве адвокатов (...). Нет никаких причин предполагать, что информация об именах государственных защитников и их назначениях не может быть известна общественности с помощью других способов, таких, как информация, содержащаяся в списках лиц, оказывающих юридическую помощь, расписания судебных слушаний и общественных судебных слушаний, хотя очевидно, что она не была сопоставлена на момент исследования (§ 195 там же). На этом фоне интересы, на которые ссылается Правительство со ссылкой на статью 8 Конвенции, не обладают характером и степенью, которые могут гарантировать применение этого положения и использование его при уравнивании против права НПО-заявителя, защищённого пунктом 1 статьи 10 (...). Тем не менее, статья 10 не гарантирует бесконечную свободу выражения мнений;

и ... защита частных интересов государственных защитников является законной целью, допускающей ограничение свободы выражения мнений в соответствии с пунктом 2 этого положения. Таким образом, главный вопрос заключается в том, были ли средства, используемые для защиты этих интересов, соразмерными поставленной цели (§ 196 там же)... тема исследования касалась эффективности системы государственных защитников (...). Этот вопрос был тесно связан с правом на справедливый судебный процесс, основополагающим правом в законодательстве Венгрии (...) и правом, представляющим жизненную важность в соответствии с Конвенцией. Действительно, любая критика или предлагаемые улучшения службы, настолько тесно связанной с правами на справедливый судебный процесс, должна была рассматриваться, как тема законной общественной заинтересованности. В своём запланированном исследовании НПО-заявитель захотела изучить свою теорию о том, что характер повторяющихся назначений одних и тех же адвокатов был нерабочим, вызывая сомнения в отношении адекватности системы. **Утверждение о том, что системе юридической помощи как таковой может быть нанесен ущерб из-за того, что государственные защитники систематически выбираются полицией из списка адвокатов – после чего практически не оспаривают полицейские расследования для того, чтобы их не пропустили при следующем назначении – действительно вызывает законную озабоченность.** Потенциальное влияние назначенных полицией адвокатов на право на защиту уже было признано Судом в деле *Martin* (цит. выше). Таким образом, так как рассматриваемый вопрос затрагивает саму суть права Конвенции, Суд удовлетворён тем, что НПО-заявитель намеревалась способствовать дискуссии по вопросу общественной заинтересованности (...). Отказ в просьбе помешал НПО-заявителю сделать вклад в общественные дискуссии по вопросу общей заинтересованности (§ 197 там же)... Соответствующее венгерское законодательство, в толковании компетентных национальных судов, исключало любую значимую оценку прав заявителя на свободу выражения мнений в соответствии со статьёй 10 Конвенции, в ситуации, когда любые ограничения предлагаемой публикации НПО-заявителя – которая предназначалась для способствования дебатам по вопросу общей заинтересованности – могли потребовать наиболее тщательный контроль (§ 199 там же). В свете вышеизложенного Суд считает, что аргументы, выдвинутые Правительством, являясь важными, не были достаточными для демонстрации того, что обжалуемое вмешательство было "необходимым в демократическом обществе"... несмотря на усмотрение государства-ответчика, не существовало разумной пропорциональности между обжалуемой мерой и преследуемой законной целью. Поэтому имело место нарушение статьи 10 Конвенции» (§ 200 там же).

Однако в любом случае, «факт доступа к внутреннему средству правовой защиты, только для того, чтобы сказали, что обращение не принимается в силу закона, не всегда удовлетворяет требованиям статьи 6 пункта 1. Степень доступа, предусмотренная национальным законодательством, **должна** обеспечивать потребность каждого человека "права на суд" в достаточной мере, принимая во внимание принцип верховенства права в демократическом обществе. **Право доступа тогда эффективно, когда человек имеет четкую и реальную возможность оспорить акт, который является вмешательством в его права** (...)» (§ 36 **Постановления от 04.12.95 г. по делу «Белле против Франции»**).